

```
<!-- /* Font Definitions */ @font-face {font-family:"Cambria Math"; panose-1:2 4 5 3 5 4 6 3 2
4; mso-font-charset:1; mso-generic-font-family:roman; mso-font-format:other;
mso-font-pitch:variable; mso-font-signature:0 0 0 0 0 0;} /* Style Definitions */ p.MsoNormal,
li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-unhide:no; mso-style-qformat:yes;
mso-style-parent:""; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan;
font-size:10.0pt; font-family:"Times New Roman","serif"; mso-fareast-font-family:"Times New
Roman";} .MsoChpDefault {mso-style-type:export-only; mso-default-props:yes;
font-size:10.0pt; mso-ansi-font-size:10.0pt; mso-bidi-font-size:10.0pt;} @page Section1
{size:21.0cm 842.0pt; margin:42.55pt 2.0cm 76.0pt 92.15pt; mso-header-margin:36.0pt;
mso-footer-margin:36.0pt; mso-paper-source:0;} div.Section1 {page:Section1;} /* List
Definitions */ @list l0 {mso-list-id:1805350112; mso-list-type:simple;
mso-list-template-ids:765987668;} @list l0:level1 {mso-level-start-at:5; mso-level-text:"%1. ";
mso-level-tab-stop:none; mso-level-number-position:left; mso-level-legacy:yes;
mso-level-legacy-indent:14.15pt; mso-level-legacy-space:0cm; margin-left:30.15pt;
text-indent:-14.15pt; mso-ansi-font-size:11.0pt; font-family:"Arial","sans-serif";
mso-bidi-font-family:"Times New Roman"; mso-ansi-font-weight:normal;
mso-ansi-font-style:normal; text-decoration:none; text-underline:none;} ol
{margin-bottom:0cm;} ul {margin-bottom:0cm;} -->
```

Основные социологические понятия

Предварительные замечания

I. Понятие социологии и «смысла» социального действия

Социология ...есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие.

«Действием» мы называем действие человека, если и поскольку действующий индивид или индивиды связывают с ним субъективный *смысл*. «Социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами *смыслу* соотносится с действием *других* людей и ориентируется на него.

1. Методологические основы

1. Слово «смысл» имеет здесь два *значения*. Он может быть: а) *смыслом*, действительно субъективно *предполагаемым* действующим лицом в данной исторической ситуации, или приближенным, средним *смыслом*, субъективно предполагаемым действующими лицами в определенном числе ситуаций; б) теоретически конструированным *чистым* типом *смысла*, субъективно предполагаемым гипотетическим действующим лицом или действующими лицами в данной ситуации. Здесь вообще не идет речь о каком-либо объективно «правильном» или метафизически постигнутом «истинном» *смысле*.

2. Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым *смыслом*, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру (см. ниже), находится на границе того и другого. Осмысленное, то есть доступное пониманию, действие в ряде психофизических случаев вообще отсутствует, в других — может быть обнаружено только специалистами. Мистические, то есть адекватно не передаваемые словами, переживания не могут быть полностью поняты теми, кому они недоступны. Полное сопереживание —
важное, но не абсолютно непреложное условие понимания *смысла*.

1. Всякая интерпретация, как и наука вообще, стремится к «очевидности». Рациональная очевидность присуща тому действию, которое может быть полностью доступно *интеллектуальному* пониманию в своих преднамеренных смысловых связях. Посредством вчувствования очевидность постижения действия достигается в результате полного сопереживания того, что пережито субъектом в определенных *эмоциональных* связях. Наиболее рационально понятны, то есть здесь непосредственно и однозначно интеллектуально постигаемы, прежде всего смысловые связи, которые выражены в математических или логических положениях. Мы совершенно отчетливо понимаем, что означает, правило

$$\begin{array}{l} 2 \\ \times 2 \\ = \\ 4 \end{array}$$

или теорему Пифагора.

Напротив, высочайшие «цели» и «ценности» на которые, как показывает опыт, может быть ориентировано поведение человека, мы часто полностью понять *не* можем, хотя в ряде случаев способны постигнуть его интеллектуально; чем больше эти ценности отличаются от наших собственных, важнейших для нас ценностей, тем труднее нам понять их в *соп* *ереживании* посредством вчувствования, силою воображения. В зависимости от обстоятельств нам в ряде случаев приходится либо удовлетворяться чисто *интеллектуальным* истолкованием названных ценностей, либо, если и это оказывается невозможным, просто принять их как данность. Сюда относятся многие высочайшие акты религиозности и милосердия. Аффекты и основанные на них иррациональные реакции мы способны эмоционально сопережить тем интенсивнее, чем более сами им подвержены; если же они значительно превышают по своей интенсивности доступные нам переживания, мы можем понять их смысл посредством вчувствования и рационально выявить их влияние на характер поведения индивида и применяемые им средства.

Для *типологического* научного исследования все иррациональные, эмоционально обусловленные смысловые связи, определяющие отношение индивида к окружающему и

влияющие на его поведение, наиболее обозримы, если изучать и изображать их в качестве «отклонений» от чисто целерационально сконструированного действия. Так, например, для объяснения «биржевой паники» целесообразно сначала установить, каким *было бы* рассматриваемое поведение *без* влияния иррациональных аффектов, а затем ввести эти иррациональные компоненты в качестве «помех».

Конструкция целерационального действия — вследствие своей понятности и основанной на рациональности однозначности

—
служит в социологии

типом

(«идеальным типом

»),

с помощью которого реальное, обусловленное различными

иррацио

нальными

факторами (аффектами, заблуждениями) поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного.

Лишь в *этом смысле* метод «понимающей» социологии «рационалистичен». Его надо рассматривать только как методический прием.

4. Во всех науках о поведении должны быть приняты во внимание такие чуждые смыслу явления, как повод к определенным действиям, результат каких-либо событий, стимулирование решений или препятствие их принятию. Поведение, чуждое осмыслению, не следует идентифицировать с «неодушевленным» или «нечеловеческим» поведением. Каждый артефакт, например «машина», может быть истолкован и понят только исходя из того смысла, который действующий человек (ориенти-рованный на самые различные цели) связывает с его изготовлением и применением. Следовательно, пониманию в данном случае доступна только его соотнесенность с

действиями

человека, который видит в нем либо «средство», либо цель и ориентирует на это свое поведение.

Д

Иную категорию образуют недоступные пониманию опытные данные о процессах, связанных с психическими и психофизиологическими явлениями (с утомлением, упражнениями памяти и т.п.), а также, например, такие процессы, как эйфории при различных аскетических самоистязаниях, расхождение индивидуальных реакций по темпу, виду, ясности и т.д. они принимаются как «данность», с которой надо считаться.

Различия в биологической наследственности (например, «расовые») — следовало бы принять в социологии как данность, наподобие того, как принимаются физиологические факты, такие, как потребность человека в питании или воздействие старения на его поведение. Признание каузального значения таких данных, безусловно, ни в какой мере не изменило бы задач социологии (и наук о поведении вообще), которые заключаются в интерпретирующем понимании осмысленно ориентированных человеческих действий.

5. Понимание может быть:

1) *непосредственным* пониманием предполагаемого смысла действия (в том числе и высказывания). Мы непосредственно «понимаем», например, смысл правила $2 \times 2 = 4$, когда мы слышим или читаем его (рациональное непосредственное понимание мыслей), или гневную вспышку, которая проявляется в выражении лица, междометиях, иррациональных жестах (иррациональное непосредственное понимание аффектов), действие дровосека, человека, протягивающего руку к двери, чтобы закрыть ее, охотника, прицеливающегося, чтобы выстрелить в зверя (рациональное непосредственное понимание действий).

Но пониманием мы называем также:

2) *объясняющее* понимание. Мы «понимаем» *мотивационно*, какой смысл вкладывал в правило $2 \times 2 = 4$ тот, кто его высказал или записал, почему он это *сделал*

именно теперь и в этой связи, если видим, что он занят коммерческой калькуляцией, демонстрацией научного опыта, техническими расчетами... Мы понимаем действия того, кто рубит дрова или прицеливается перед выстрелом, не только непосредственно, но и мотивационно, в том случае, если нам известно, что первый действует либо за плату, либо для своих

хозяйственных нужд, либо отдыхая от других дел (рациональное действие), либо стремясь снять возбуждение (иррациональное действие), а прицеливающийся перед выстрелом человек действует либо по приказу, выполняя приговор или сражаясь с врагом (то есть рационально), либо из мести (под влиянием аффекта, то есть иррационально)

Мы можем, наконец, мотивационно понять гнев, если знаем, что он вызван ревностью, ущемленным тщеславием, покушением на честь (действие, обусловленное аффектом, то есть иррациональное по своим мотивам). Все это

—
понятные нам

смысловые связи,

понимание их мы рассматриваем как

объяснение

фактического действия. Следовательно, в науке, предметом которой является смысл поведения, «объяснить» означает постигнуть смысловую

связь,

в которую по своему субъективному смыслу входит доступное непосредственному пониманию действие. Мы будем определять субъективный смысл событий, а также и смысловые связи как

предполагаемый

смысл

6. «Понимание» во всех этих случаях означает интерпретирующее постижение: а) реально предполагаемого в отдельном случае (при историческом анализе событий), б) предполагаемого, взятого в среднем и приближенном значении (при социологическом рассмотрении массовых явлений), в) смысла или смысловой связи в научно конструируемом *чистом* типе («идеальном типе») некоего .часто повторяющегося явления. Реальное поведение чрезвычайно редко (например, в ряде случаев на бирже), и то только приближенно, соответствует конструкции идеального типа.

Каждое толкование стремится, конечно, к ясности. Однако сколь бы ясным по своему смыслу ни было толкование, оно тем самым еще не может претендовать на каузальную *значимость*

и всегда остается лишь наиболее вероятной

гипотезой

а) «Мотивы», часто настолько маскируют

В этом случае задача социологии

—
выявить связь между отдельными мотивами и посредством истолкования установить ее подлинный характер, б) В основе поведения, представляющегося нам «одинаковым» или

«похожим», могут лежать самые различные смысловые связи, в) Действующие в определенных ситуациях люди часто испытывают противоречивые, борющиеся друг с другом импульсы, которые мы, несмотря на их различия, «понимаем». Подлинное решение данного вопроса дает лишь результат мотивационной

борьбы. Следовательно, здесь, как и при любой другой гипотезе, необходимую верификацию нашего понимания смысла и его истолкования дает результат, фактический ход событий. К сожалению, такая верификация может быть с относительной точностью достигнута при проведении психологических экспериментов только в редких, специфических по своему типу случаях

—
с самой различной степенью приближенности (также в ограниченном числе случаев) при статистическом исчислении однозначных массовых явлений. В остальном мы располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме *одного* решающего пункта

—
«мотива» или «импульса», исследуемого нами в его практическом значении. Часто, правда, остается только возможность применить столь ненадежное средство, как «мысленный эксперимент»; он состоит в том, что мы *мысленно* устраним отдельные компоненты мотивационного ряда и конструируем затем вероятный процесс развития, чтобы таким образом применить метод каузального сведения

7. «Мотивом» называется некое смысловое единство, представляющееся действующему лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия.

«Адекватным смыслу» мы назовем единое в своих проявлениях действие в той мере, в какой соотношение между его компонентами представляется нам с позиций нашего привычного мышления и эмоционального восприятия типичным (мы обычно говорим, правильным) смысловым единством. «Каузально адекватной» мы назовем последовательность событий, если в соответствии с *опытными* правилами можно предположить, что она всегда будет таковой. (Адекватным

смыслу

является

правильное

в соответствии с принятыми

нормами

исчисления или мышления решение задачи.

Каузально

адекватной

—

в рамках статистической повторяемости

—

основанная на опытных правилах вероятность «правильного» или «не-правильного»

—

решения, следовательно, и вероятность типичной «ошибки в вычислениях» или типичного «смещения проблем».)

Следовательно, каузальное

о

бъяснение означает, что в соответствии с

правилом

вероятности (каким-либо образом выраженным, редко

—

в идеальном случае

—

квантитативно.) за определенным наблюдаемым (внутренним или внешним) событием следует определенное другое событие (или сопутствует ему).

Правильное каузальное толкование *типичного* действия (понятного типа действия) означает, что процесс, принятый в качестве типичного, представляется адекватным смыслу и может быть установлен как каузально адекватный. Если же адекватность смыслу отсутствует, то, невзирая на высокую степень регулярности (внешнего или психического процесса), допускающую точное цифровое выражение его вероятности, мы имеем дело только с *непонятной* (или не вполне понятной)

статистической

вероятностью. С другой стороны, даже самая очевидная адекватность смыслу имеет для социологии значение правильного

каузального

определения лишь в той мере, в какой может быть доказана

вероятность

того, что рассматриваемое действие

в самом деле

обычно протекает адекватно смыслу с повторяемостью, допускающей достаточно точное или приближенное выражение (в среднем или идеально-типическом случае). Лишь такого рода статистические виды регулярности, являются типами понятного действия, то есть «социологическими закономерностями». Объектом

статистических

исчислений могут быть как

лишенные

смысла, так и осмысленные процессы.

Социологическая

же статистика занимается исчислениями только осмысленных процессов (статистика уголовных преступлений, профессий, цен, посевной площади). Само собой разумеется, что часто встречаются случаи,

объединяющие оба

типа; сюда относится, например, статистика урожая.

8. События и единообразия, которые, не могут быть определены как «социологические факты» или закономерности, конечно, не становятся от этого менее *важными*. Они просто перемещаются

—

и это методически необходимо

—

в другую сферу, сферу условий, поводов, помех, благоприятных факторов и т. п.

9. «Поведение» в качестве понятной по своему смыслу ориентации собственных действий всегда являет собой для нас действие одного или нескольких *отдельных* лиц.

Для других (например, юридических) познавательных целей или для целей практических, может быть, напротив, целесообразно и даже неизбежно рассматривать социальные образования («государство», «ассоциацию», «акционерное общество», «учреждение») совершенно так же, как отдельных индивидов (например, как носителей прав и обязанностей или как субъектов, *совершающих* релевантные в правовом отношении действия). Для понимающей социологии, интерпретирующей поведение людей, эти образования

—
просто процессы и связи специфического поведения *отдельных*

людей, так как только они являют собой понятных для нас носителей осмысленных действий. Несмотря на это, однако, социология и для своих целей не может *игнорировать*

коллективные мысленные образования, полученные с других позиций. Ибо толкование поведения связано с этими коллективными понятиями следующим образом:

а) Социология также часто вынуждена пользоваться подобными коллективными понятиями (нередко совершенно одинаково обозначая их), для того чтобы вообще обрести понятную *терминологию*. Если в социологии речь идет о «государстве» или «нации», об «акционерном обществе» или о «семье», о «воинском подразделении» и

других «образованиях» такого рода, то имеется в виду
только

определенный тип поведения отдельных людей, конкретный или конструируемый в качестве возможного.

б) Коллективные образования, являют собой определенные *представления* в умах конкретных людей, на эти представления люди

ориентируют

свое поведение, эти коллективные образования имеют огромное, подчас решающее каузальное значение для поведения людей. В первую очередь как представления о том, что должно (или

не должно)

иметь значимость.

в) Метод так называемой «органической» социологии (классическим примером может служить интересная книга Шеффле «Структура и жизнь социального тела») направлен на то, чтобы объяснить совокупность социальных действий, отправляясь от «целого». В интерпретирующей социологии такой метод .может служить следующим целям:

1. Практической наглядности и предварительной ориентации.

2. В ряде случаев только указанный метод позволяет нам выявить тот тип социального поведения, интерпретирующее понимание которого *важно* для объяснения определенных связей. Однако на этой стадии социологическое исследование (в нашем понимании) только *начинает*
ся. Мы п

онимаем

поведение отдельных

индивидов,

участвующих в событиях, тогда как поведение клеток мы «понять»

не

можем, а можем только постигнуть его

функционально,

а затем установить

правила

данного процесса. Преимущество интерпретирующего объяснения по сравнению с объяснением, основанным на наблюдении, достигается, правда, за счет большей

гипотетичности и фрагментарности полученных выводов, но тем не менее именно оно является специфическим свойством социологического познания.

Для понимания субъективного смысла в поведении животного мы либо вообще не располагаем *верными* средствами, либо располагаем ими в очень незначительной степени: Мы знаем, что в животном мире существуют сообщества

—
моногамные и полигамные «семьи», стада, стаи, даже «государство» с разделением функций. Само собой разумеется, что в настоящий момент очень часто решающим является чисто функциональный подход, то есть выявление главных функций в сообществах животных

—
добывание пищи, защита от нападения, забота о потомстве, образование новых сообществ,

—
функций, которые выполняют отдельные типы этих сообществ
Впрочем, все серьезные исследователи единодушно полагают, что применение одного функционального метода в данной области лишь временное, как они надеются, явление, вызванное необходимостью

удовлетвориться

доступным науке в данный момент. Мы хотим также знать:

1)

какие

решающие

факторы определяют первичную дифференциацию типов внутри нейтрального недифференцированного вида;

2)

что

заставляет

дифференцировавшийся вид действовать (в среднем) именно таким образом, чтобы дифференцированная группа продолжала существовать.

Когда Отмар Шпанн в ряде своих работ акцентирует значение для социологии — никем, впрочем, серьезно не оспариваемое

—
предварительной

функциональной постановки вопроса, называя это «универсальным методом», он, безусловно, прав.

Важно

поставить вопрос, как возникает подобное действие и какие мотивы его определяют.

Сначала надо знать, что

делает

«король», «чи

н

овник», «предприниматель», «сутенер», «колдун», то есть какое действие индивида данного типа (которое только и позволяет подвести его под одну из таких категорий), следовательно, важно для анализа и должно быть известно, прежде чем мы перейдем к такому анализу. (Риккертское понятие «отнесения к ценности».) Что касается невероятного заблуждения, будто «индивидуалистический»

метод

означает

(в каком бы то ни было

смысле) индивидуалистическую

оценку,

то его следует отвергнуть.

Социалистическая экономика должна быть социологически исследована, то есть интерпретирована и *понята*, совершенно так же «индивидуалистично», то есть исходя из *поведения отдельных людей*, из действующих в ней типов «функционеров», как явления товарно-денежного обмена интерпретируются с помощью теории предельной полезности (или какого-либо другого «лучшего»

—

если таковой будет найден,

—

но в

этом

пункте аналогичного метода). Исследование основных проблем эмпирической социологии всегда начинается с вопроса: какие мотивы

заставляли

и

заставляют

отдельных «функционеров» и членов данного «сообщества» вести себя таким образом, чтобы подобное «сообщество»

возникло и продолжало существовать

?

10. «Законы», являют собой подтвержденную наблюдением типическую *вероятность* того, что при определенных условиях социальное поведение

примет

такой характер, который позволит

понять

его, исходя из типических мотивов и типического субъективного смысла, которыми руководствуется действующий индивид. Понятны и однозначны эти «законы» могут быть при оптимальных условиях постольку, поскольку типический наблюдаемый процесс

Добавил(а) Социология
06.09.10 09:29 -

основан на чисто
целерациональных
мотивах.

Неверно считать основой понимающей социологии какую бы то ни было «психологию». Результаты психологической науки, которая исследует средствами естественных наук и естественнаучной методики действительно только «психическое» и, следовательно, *не*

стремится

—

что уж совсем другое

—

истолковать человеческое действие с точки зрения его предполагаемого *смысла*.

Социология

не

находится в более близком отношении к ней, чем ко всем другим наукам.

11. Социология конструирует — типовые понятия и устанавливает общие правила явлений и процессов. Для образования своих понятий социология берет в качестве парадигм *материал в*

значительной степени (хотя и не исключительно) из тех же реальных компонентов поведения, которые релевантны также с точки зрения истории. Ее понятия по сравнению с конкретной реальностью истории неизбежно (относительно)

лишены

полноты содержания. Вместо этого социология дает большую однозначность понятий.

Такая однозначность достигается смысловой адекватностью,

Во всех

случаях, как рациональных, так и иррациональных, она отходит от действительности и служит познанию этой действительности, показывая, что при определении степени

приближения

исторического явления к одному или ряду социологических понятий оно может быть подведено под них. Одно и то же историческое явление может быть, например, в одних своих составных частях «феодальным», в дру-гих

—

«патримониальным», в третьих

—

«бюрократическим», в некоторых

—

«харизматическим».

Для того чтобы перечисленные слова имели *однозначный смысл*,

социология должна в свою очередь создавать «чистые» («идеальные») типы такого рода, чтобы в них могла быть выражена наибольшая

смысловая

адекватность; однако именно потому они столь же редко встречаются в реальности в абсолютно идеальной

чистой

форме. Лишь с помощью

чистого

(«идеального») типа возможна социологическая казуистика. Само собой разумеется, что социология сверх того в ряде случаев пользуется и

средним

типом,

эмпирико-статистическим

по своему характеру; это понятие не требует особого методологического разъяснения.

Однако когда в социологии говорится о

«

типических

»

случаях, всегда имеется в виду

идеальный

тип, который сам по себе

может

быть рациональным или иррациональным, в большинстве случаев (в политической экономии, например, всегда) он рационален, но всегда, независимо от этого, конструируется адекватно

смыслу.

«Средние типы» можно в некоторой степени однозначно образовать *только* там, где речь идет о различии в

степени

качественно

однородных,

определенных по своему смыслу поведений. В большинстве случаев, поведение свести к некоему «среднему» в подлинном смысле слова совершенно невозможно. Тем самым поведение, в котором какую-то роль, безусловно, играют также традиции, аффекты, заблуждения, воздействие внеэкономических целей и соображений, может быть понято, во-первых, в той мере, в какой оно в данном конкретном случае определяется

также

и экономически

целерационально,

или

—

если речь идет о поведении в среднем

—

обычно именно так и определяется; во-вторых, понимание его *подлинных* мотивов облегчается именно установлением *отличия* реального процесса от идеально-типической конструкции. Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем *дальше* они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение. Напри-мер, объясняя, как проходила кампания 1866 г., *необходимо* сначала (мысленно) установить, как в случае идеальной целерациональности *расположили бы* свои войска Мольтке и Бенедикт, чтобы посредством такого расположения каузально *объяснить* отклонение от идеального случая, которое могло быть обусловлено ложной информацией, заблуждением, логической ошибкой.

«Предполагаемый смысл» *реального* поведения в подавляющем большинстве случаев сознается смутно или вообще не сознается. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет»; в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл. В социологическом исследовании, объектом которого является конкретная реальность, необходимо постоянно иметь в виду ее отклонение от теоретической конструкции; установить степень и характер такого отклонения —
непосредственная задача социологии.

Исследователю очень часто приходится делать выбор между методологически неясными и ясными, но нереальными «идеально-типическими» процессами. При такой альтернативе в научном анализе следует отдавать предпочтение вторым.

2. Понятие социального действия

1. Социальное действие (включая невмешательство или терпеливое приятие) может быть ориентировано на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем поведение других.

2. Не все типы действия — в том числе и внешнего — являются «социальными» в принятом здесь смысле. Внешнее действие не может быть названо социальным в том случае, если оно ориентировано только на поведение вещных объектов. Внутреннее отношение носит социальный характер лишь в том случае, если оно ориентировано на поведение других. Так, например, действия религиозного характера несоциальны, если они не выходят за пределы созерцания, прочитанной в одиночестве молитвы и т.

д.

Хозяйствование (отдельного индивида) социально только тогда и постольку, если и поскольку оно принимает во внимание поведение других.

3. Социально только то действие, которое по своему смыслу ориентировано на поведение других.

4. Социальное действие не идентично ни а) *единообразному* поведению многих людей, ни б) тому, на которое

влияет

поведение других

а) Если многие люди на улице открывают во время дождя зонты, это просто однотипные действия для защиты от дождя

б) Реакции определенного типа становятся возможны только благодаря тому факту, что индивид ощущает себя частью «массы», другие реакции, напротив, этим затрудняются. Вот почему какие-либо события или действия могут вызвать у человека в толпе самые разнообразные чувства

—

веселость, ярость, воодушевление, отчаяние и любые другие аффекты, которые не возникли бы в результате тех же причин у индивида в одиночестве.

Далее, просто «подражание» поведению других (чему Г. Тард с полным основанием

придает большое значение) не является
специфически

«социальным поведением», если оно только реактивно и не ориентировано на
поведение другого лица. Ориентация здесь не
на

поведение другого; индивид
посредством

наблюдения ознакомился с известными объективными возможностями, и на
них

он ориентируется в своем поведении. Его действие
каузально,

но не осмысленно определено поведением другого лица. Феномен обусловленности
массо-востью и феномен подражания не разделяются четкими границами, являют собой
пограничные случаи социально-го действия Причина недостаточной четкости границ
объясняется в данном, как и в других случаях, тем, что не всегда можно уверенно
разграничить простое «влияние» и осмысленную «ориентацию».

II. Мотивы социального действия

Социальное действие, подобно любому другому поведению, может быть: 1) *целерациональным*,
если
в основе его лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и
других людей и использование этого ожидания в качестве «условий» или «средств» для
достижения своей рационально поставленной и продуманной
цели

-,
2)
ценностно-рациональным

..,
основанным на вере в безусловную

—
эстетическую, религиозную или любую другую

—
самодовлеющую
ценность определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно
приведет;

3)
аффективным,

прежде всего
эмоциональным,
то есть обусловленным аффектами или эмоциональным состоянием индивида;
4)
традиционным
,
то есть основанным на длительной привычке.

1. Чисто традиционное действие, находится на самой границе, а часто даже за пределом того, что может быть названо «осмысленно» ориентированным действием. Ведь часто это только автоматическая реакция на привычное раздражение в направлении некогда усвоенной установки.

2. Чисто аффективное действие также находится на границе и часто за пределом того, что «осмысленно», осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение. Если действие, обусловленное аффектом, находит свое выражение в *сознательной* эмоциональной разрядке, мы говорим о сублимации. В таком случае этот тип уже почти всегда близок к «ценностной рационализации», или к целенаправленному поведению, или к тому и другому.

3. Ценностно-рациональная ориентация действия отличается от аффективного поведения осознанным определением своей направленности и *последовательно* планируемой ориентацией на нее.

Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности «предмета» любого рода. Ценностно-рациональное действие (в рамках нашей терминологии) всегда подчинено «заповедям» или «требованиям», в повиновении которым видит свой долг данный индивид.

4. Целерационально действует тот индивид, кто рационально *рассматривает* отношение средств к цели и побочным результатам и, наконец, отношение различных возможных целей друг к другу, то есть действует, во всяком случае, *не* аффективно (прежде всего не эмоционально) и

не

традиционно. Ценностно-рациональная ориентация действия может, следовательно, находиться в различных отношениях с целерациональной ориентацией. С целерациональной точки зрения ценностная рациональность всегда *иррациональна*, и тем иррациональнее, чем больше она абсолютизирует ценность, на которую ориентируется поведение.

5. Эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действия.

III. Социальное отношение

Социальным «отношением» мы будем называть поведение нескольких людей, *соотнесенное* по своему смыслу друг с другом и ориентирующееся на это.

1. Тем самым признаком данного понятия служит — пусть даже минимальная — степень отношения

одного

индивида к

другому.

Содержание этого отношения может быть самым различным: борьба, вражда, любовь, дружба, уважение, рыночный обмен.

2. Речь здесь идет о *предполагаемом* участниками эмпирическом смысле — о действительном или усредненном в конкретном случае, о конструированном в «чистом» типе, но никогда

—
о нормативно «правильном» или метафизически «истинном». Социальное отношение *имеется*

даже в тех случаях, когда речь идет о таких социальных образованиях, как «государство», «церковь», «сообщество», «брак» и т.д., и полностью и исключительно состоит в возможности того, что доступное определению действие, соотнесенное с действием другого по своему смыслу, было, есть и будет.

«Государство», например, перестает «существовать» в социологическом смысле, как только исчезает *возможность* функционирования определенных типов осмысленно ориентированного социального действия.

3. Мы никоим образом не утверждаем, что индивиды, соотносящие свое поведение друг с другом, вкладывают в социальное отношение *одинаковый* смысл или что каждый из них внутренне принимает смысл установки своего контрагента, что, следовательно, в *этом*

смысле здесь существует взаимность. «Дружба», «любовь», «уважение», «верность договору», «чувство национальной общности», присущие одной стороне, могут наталкиваться на прямо противоположные установки другой. Если данные индивиды связывают со своим поведением различный смысл, социальное отношение является объективно «односторонним» для каждого из его участников. Однако и в этом случае их поведение соотнесено, поскольку действующий индивид

предпола

г

ает

(может быть, ошибаясь или в какой-то степени неверно), что определенная установка по отнош

е

нию к нему (действующему лицу) присуща и его партнеру.

Объективно «двусторонним» отношение может быть лишь постольку, поскольку его содержание соотнесено таким образом, что оно соответствует ожиданиям партнеров. Однако отсутствие обоюдности лишь тогда исключает (по нашей терминологии) «социальное отношение», когда в результате этого исчезает взаимная *соотнесенность* поведения сторон. Здесь, как и всегда, есть множество самых разнообразных промежуточных стадий.

4. Социальное отношение может быть преходящим или длительным, то есть основанным

на возможности того, что *повторяемость* поведения, существует. Следовательно, наличие *вероятности* повторения соответствующего данному смыслу поведения, означает, что социальное отношение в данном случае «существует»; на основании определенного рода установки определенных людей *поведение* их обычно проходит в рамках *усредненно предполагаемого* смысла.

5. Содержание социального отношения может изменяться; так, например, в политических отношениях солидарность может превратиться в коллизию, вызванную столкновением интересов. Содержание социального отношения может быть также частично неизменным, частично меняющимся .'

6. Смысловое содержание, констатирующее социальное отношение на *длительное время*, может быть сформулировано в «максимах» Чем рациональнее — по цели или ценности — ориенти-ровано данное поведение, тем более применим такой метод. Очевидно, что в случае эротических или вообще аффективных отношений (например, основанных на ува-жении) возможность рациональной формулировки предполагаемого смыслового содержания значительно мень-ше, чем, скажем, при заключении делового контракта.

7. Содержание социального отношения может быть сформулировано по *взаимному соглашению*. Это означа-ет, что все его участники дают определенные *заверения* (то ли друг другу, то ли вообще) по поводу своего поведения в будущем. В этом случае каждый участник согла-шения рассчитывает — в той мере, в какой он рассужда-ет рационально, — прежде всего обычно на то (с различ-ной степенью надежности), что *другой* будет в своем пове-дении ориентироваться на смысл соглашения так, как он (то есть первое действующее лицо) этот смысл понимает.

IV. Типы социального поведения. Нравы. Обычаи

Последовательность действий с типически идентично *предполагаемым* смыслом повторяется отдельными индивидами или (эвентуально одновременно) многими.

Фактически существующую возможность единообразия в установках социального поведения мы будем называть *нравами*, в том случае, если (и в той мере, в какой) их существование внутри определенного круга лю-дей объясняется

просто

привычкой. Нравы мы будем называть

обычаем,

если фактические привычки

укоренялись в

течение длительного времени

.

Обычай мы будем определять как «обусловленный *интересами*».

1. К нравам относится и «мода». «Мода» будет причисляться к нравам в том случае (обратном тому, что было сказано об обычае), если причиной ориентации становится нечто *новое* в поведении. Мода близка «условности», так как, подобно «условности», она (большей частью) связана с *сословными* престижными интересами.

2. «Обычаем» мы будем называть *не* гарантированное внешним образом правило, которым действующее лицо фактически руководствуется добровольно

—

то ли просто «не задумываясь», то ли из «удобства» или по каким-либо другим причинам

—

и вероятного следования которому оно и

з

тех же соображений может ждать от людей того же круга. В этом смысле обычаи не являются чем-то «значимым»; ни от кого не «требуют» их соблюдения.

3. Многочисленные бросающиеся в глаза проявления единообразия в социальном поведении, прежде всего (но не только) в экономическом поведении, объясняются отнюдь не ориентацией на какую-либо считающуюся «значимой» норму, но и не обычаем, а просто тем фактом, что данный тип социального поведения, по существу, больше всего в среднем соответствует, по субъективной оценке индивидов, их естественным *интересам*. Чем *более* целерационально их поведение, тем более сходны их реакции на данные ситуации

—
возникают единообразие,
регулятивность
и длительность установки и поведения, которые часто обладают значительно большей стабильностью, чем поведение, ориентированное на нормы и обязанности, считающиеся «обязательными» в определенном кругу.

Одним
из существенных компонентов «рационализации

»
поведения является замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптацией к констелляции интересов.

4. Стабильность *обычая* (как такового) основана, в сущности, на том, что индивид, не ориентирующийся на него в своем поведении, оказывается вне рамок «принятого» в его кругу, то есть должен быть готов переносить всякого рода мелкие и крупные неудобства и неприятности, пока большинство окружающих его людей считается с существованием обычая и руководствуется им в своем поведении.

V. Понятие легитимного порядка

Поведение, особенно социальное поведение, а также социальные отношения могут быть ориентированы индивидами на их *представление* о существовании *легитимного порядка*.

Возможность такой ориентации мы будем называть «значимостью» данного порядка.

1. Под «значимостью» порядка следует понимать нечто большее, чем простое единообразие социального поведения, обусловленное обычаем или констелляцией интересов.

2. Содержание социальных отношений мы будем называть «порядком» только в тех случаях, когда поведение (в среднем и приближенно) ориентируется на отчетливо определяемые максимы.

Порядок, устойчивость которого основана *только* на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее чем тот порядок, ориентация на который основана только на обычае, привычке к определенному поведению (наиболее распространенный тип внутреннего отношения). Однако последний еще несравненно более лабилен, чем порядок, обладающий престижем, в силу которого он диктует нерушимые требования и устанавливает образец поведения, то есть чем порядок, обладающий «*легитимностью*».

Совершенно очевидно, что в реальной действительности нет четких границ между чисто традиционно или чисто ценностно-рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность.

3. в тех случаях, когда этот (усредненно понятый) смысл «обходят» или сознательно «нарушают», на поведение в ряде случаев продолжает оказывать *дейс*

т

вие

возможность того, что порядок в какой-то мере сохраняет свою значимость (в качестве обязательной нормы). Вор, скрывая свой поступок, ориентируется на значимость законов уголовного права.

Социологу не представляет труда признать сосуществование значимости различных противоречащих друг другу систем внутри одного и того же круга людей. Ведь даже отдельный индивид может ориентировать свои действия на противоречащие друг другу системы. И не только последовательно, как это случается каждодневно, но и в рамках одного действия. Человек, участвующий в дуэли, ориентирует свое поведение на кодекс чести; скрывая же свои действия или, наоборот, представ перед судом, он ориентируется на уголовное законодательство.

На-против, здесь границы между обоими случаями стерты: «значимы», как мы уже указывали, могут быть одновременно противоположные друг другу системы, каждая из них

—

в той мере, в какой существует
вероятность

того, что поведение действительно будет ориентировано на нее.

Штаммлер не только не разделяет эмпирическую значимость и значимость нормативную, но, более того, не понимает, что социальное поведение ориентируется не *только* *ко* *на* «порядок»; и прежде всего *порядок* превращается у него, логически совершенно неправомерно, в «форму» социального поведения, а затем ему приписывается та роль по отношению к «содержанию», которую играет «форма» в теоретико-познавательном смысле.

VI. Типы легитимного порядка: условность и право

I. Легитимность порядка может быть *гарантирована* только внутренне, а именно:

1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью;

2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных) ;

3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка.

II. Легитимность порядка может быть гарантирована также (или только) ожиданием специфических внешних последствий, следовательно, интересом, причем это ожидание особого рода.

Порядком мы будем называть: а) *условность*, если ее значимость внешне гарантирована возможностью того, что любое отклонение натолкнется внутри определенного круга людей на (относительно) общее и практически ощутимое порицание; б)

право,

если порядок внешне гарантирован возможностью (морального или физического)

принуждения,

осуществляемого

особой группой

людей, в чьи непосредственные функции входит охранять порядок или предотвращать нарушение его действия посредством применения силы.

1. Условностью мы будем называть «обычай», который считается в определенном *кругу людей*

«значимым» и невозможность отклонения от которого гарантируется порицанием. В отличие от права (в принятом нами смысле слова) здесь отсутствует специальная *группа*

людей, осуществляющая принуждение.

При нарушении условности (например, «профессиональной этики») социальный бойкот со стороны людей одной профессии часто оказывается значительно более действенной и ощутимой карой, чем та, которую мог бы вынести судебный приговор. Здесь отсутствует только специальная группа людей, гарантирующая повиновение (у нас это судьи, прокуроры, чиновники, судебные исполнители и т.д.).

2. Мы в данном случае считаем решающим для понятия «права» наличие специальной *группы*

принуждения. совсем не обязательно наличие «судебной» инстанции. Как известно, международное право часто не признавалось «правом», ввиду того что оно не гарантировано наличием

надгосударственной

принудительной власти. Для принятой здесь (из соображений целе-сообразности) терминологии порядок, гарантированный извне только ожиданием порицания и репрессий

—

следовательно, конвенционально и констелляцией интересов,

—

где отсутствует группа людей, действия которых *специально*

направлены на его сохранение, не может быть определен как «право». Следовательно, «право» может быть иерократическим и политическим, может быть гарантировано статутами какого-либо объединения или авторитетом главы дома, сообществами или ассоциациями.

3. Значимый порядок не обязательно должен быть общим, абстрактным по своему характеру.

4. «Внешне» гарантированные системы могут быть гарантированы и «внутренне». «Этическим» социология считает тот критерий, для которого специфическая ценностно-рациональная *вера* людей служит нормой человеческого поведения, пользующегося предикатом «хорошего» в нравственном отношении, так же как поведение, применяющее предикат «красивый», прилагает к своему определению эстетический критерий. В этом смысле этические нормативные представления могут очень сильно влиять на поведение людей, без какой-либо внешней гарантии. Подобное обычно происходит в тех случаях, когда нарушение указанных норм серьезно не затрагивает чужих интересов. Однако часто соблюдение норм гарантируется религией; они могут гарантироваться и конвенционально (в смысле используемой здесь терминологии) посредством вынесения порицания при их нарушении или бойкота, а также юридически посредством санкций уголовного и гражданского права или вмешательства полиции.

Подлинно значимая в социологическом смысле этика в большинстве случаев обычно гарантируется тем, что ее нарушение может вызвать неодобрение, то есть гаран-тируется конвенционально. на *этическую* нормативность, правовые, в ряде случаев чисто целерациональные по своему характеру, претендуют еще в значительно меньшей степени, чем конвенциональные.